

A. P. ...

...

Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 10 //Издательство «Правда»,
Москва, 1977
FB2: "Ustas ", 2006-09-06, version 1.0
UUID: 6937BC65-22D2-4D6F-8DD4-A40AD2EDD06D
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Дождался

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0009
III.....	.0015
IV.....	.0021
V.....	.0026
VI.....	.0032
VII.....	.0040
VIII.....	.0048
IX.....	.0057
X.....	.0075
XI.....	.0077
XII.....	.0088
XIII.....	.0096
XIV.....	.0102

**Константин Михайлович
Станюкович
Дождался
Рассказ [1]**

Валерий Николаевич Неволин, молодой брюнет небольшого роста, исхудалый, с впалой грудью и с блестящими глазами, — две недели ежедневно приходил на станцию маленького Кларана — встречать курьерский поезд из Лозанны.

Он не сомневался, что сегодня жена придет.

И в это утро Неволин особенно заботливо приделся в обновку — пару из белой с синими полосками фланели, повязал белый галстук, надушился, еще раз занялся подстриженной кудрявой бородкой и особенно внимательно разглядывал в зеркале свое смуглое землистое лицо, осунувшееся, с заострившимся носом и мертвенно-бледным лбом.

Возбужденный ожиданием, он чувствовал себя бодрее и сильнее и, радостно взволнованный, вышел из пансиона, предупредив горничную БERTУ, что с поездом придет жена.

Короткое расстояние до станции Валерий Николаевич прошел, не задыхаясь, хотя сентябрьское утро было жаркое.

Только подъем на небольшую лестницу, ведущую на станцию, очень утомил его. Он порывисто дышал, жадно вдыхая воздух, и в груди что-то хрипело.

Неволин передохнул у лестницы, вышел на платформу и присел на скамейку.

До прихода поезда оставалось пять минут.

— Извините... не опоздает? — спросил Неволин глухим, слегка заискивающим голосом проходившего начальника станции, приподнимая белую полотняную шляпу.

Шеф приостановился.

— Доброго утра, господин Неволин... Ни минуты опоздания! — приветливо ответил старый, сухощавый и крепкий швейцарец.

И с ласковой, подбадривающей уверенностью прибавил:

— Надеюсь, сегодня дождетесь.

— О, разумеется!

— Получили телеграмму?

— Жена не любит телеграмм! — внезапно сочинил Неволин и смутился.

Эти пять минут казались ему бесконечными. Он предвкушал радость встречи и волновался еще более. Ему казалось, что с поездом

что-нибудь случилось, и Неволин беспрестанно вынимал часы.

Наконец раздался протяжный свисток.

Неволин сорвался со скамейки и приблизился к краю платформы. Он, видимо, бодрился и старался крепче стоять на ногах.

Еще несколько секунд, и небольшой поезд, окутанный черным дымом, вылетел из туннеля и на всем ходу сразу остановился на станции.

— Три минуты остановки! — прокричал кондуктор.

Неволин жадно взглядывал на окна, на двери вагонов. Вышло несколько пассажиров с ручным багажом. Неволину бросилась в глаза приехавшая прелестная девочка, тоненькая, хрупкая, бледная как смерть, с букетом роз. Она весело улыбалась. И сопровождающие ее мужчина и дама старались улыбнуться девочке-подростку и, казалось, их печальные, серьезные лица просветлели надеждой.

“Привезли умирать!” — подумал Неволин.

И не думавший, что и на него смотрят, как на приговоренного, он не терял еще надежды найти замешкавшуюся жену и стал обходить

все вагоны, заглядывая в окна, и видел чужие лица, внезапно становившиеся серьезными при виде взволнованного, растерянного и страшно исхудалого чахоточного.

— En voitures! [2]

Поезд помчался дальше.

Неволин проводил его тоскливыми глазами и вдруг почувствовал себя одиноким, сиротливым и несчастным.

И голубое озеро, и савойские горы, и высокое бирюзовое небо с ослепительно-жгучим солнцем, и тополи, и платаны, все, все, казалось, потеряло в глазах Неволина красоту и прелесть.

Неволин ушел со станции, избегая встретить начальника станции и сторожей. И, опустив голову, еще медленнее пошел домой.

Порыв безнадежного отчаяния скоро прошел.

Он подумал о жене, вспомнил ее письма, и ему стало стыдно за такое малодушие. Снова оживший и воспрянувший духом, он поднял голову и уверенно и вызывающе прошептал:

— Завтра приедет!

Ни в одно мгновение он не упрекнул, даже мысленно, жены за то, что она все откладывает отъезд.

Еще бы!

Не такой же он больной, чтобы Леля бросила срочную работу, оставила серьезно заболевшую мать и полетела бы к нему, точно к умирающему.

Недаром же Неволин в своих частых, длинных и влюбленных письмах постоянно повторял, что здоровье улучшается, и доктор Вернэ, необыкновенно внимательный и добросовестный старик, не сомневается в выздоровлении больного. По словам доктора, коховских палочек [3] не найдено. И чахотки нет. Упорный катар легких, из-за него и слабость

по временам. Но все пройдет. Следует только хорошо питаться, бояться простуды и держать строгий режим.

Неволин верил, ждал выздоровления с такою же верой, с какой ждал приезда жены, и старался пунктуально исполнять все предписания доктора.

Только, при всем желании, не мог, как предписывал врач, не волноваться, не скучать и не худеть.

И он деликатно умалчивал в письмах, что скучает один до одури и очень волнуется, если от жены долго нет письма.

Уставший, поднялся Валерий Николаевич в первый этаж пансиона.

— Опять возвратились один, дорогой monsieur Nevoline? Что случилось? — с порывистым, горячим и, видимо, притворным участием спросила откуда-то появившаяся в коридоре хозяйка, говорившая на многих языках и на всех довольно скверно.

Это была пожилая, величественного роста дама, надушенная, напудренная, затянутая в корсет, с рыхлым, красноватым лицом, когда-то, казалось, не лишенным несколько гру-

боватой красоты, всегда приятно улыбававшаяся жильцам, всегда предупредительная и не без достоинства поддерживавшая репутацию и своего пансиона и своего образцового административно-хозяйственного умения.

Она, по обыкновению, была в черном шелковом платье, безукоризненно причесанная, с подвитыми прядками рыжеватых волос, с кольцами на толстых, коротких пальцах, с браслетом на руке, с брошкой и с длинной золотой цепочкой от часов, тихо колыхавшейся на внушительном бюсте.

— Ничего не случилось, госпожа Шварц... Жена приедет завтра! — слегка смущаясь, проговорил Неволин.

— Ну и слава богу!.. Вы перестанете скучать...

И, впадая в идиллический тон, хозяйка вздохнула и проговорила:

— Ничего нет тяжелее одиночества... Быть в разлуке с любимым другом — это ужасно! Я понимаю... Я сама испытала это, когда Шварц работал в Интерлакене, а я шесть месяцев оставалась здесь... И Шварц тосковал... О, как тосковал!.. Тогда мы оба были молоды...

Хотя Неволин аккуратно платил по счетам, и госпожа Шварц называла его милым и любезным жильцом, тем не менее она с удовольствием спланировала бы “милого жильца”, который, того и гляди, умрет в пансионе, что произведет тяжелое впечатление на пансионеров, еще не приговоренных, и они могут сбежать.

Да и отдать комнату, из которой только что вынесли ночью покойника, не так-то легко. Приезжие больные с глупыми предрассудками. А комната из лучших: на солнечной стороне и с “видом”. Балкон на озеро и горы.

Начинается сезон, а русский и не догадывается уехать поскорей в Петербург, чтобы увидеть, по крайней мере, жену перед смертью. Эта дама что-то подозрительно не едет. А на редкость простофиля-муж каждый день встречается и не может ее встретить.

Такие соображения пробежали в голове госпожи Шварц, и она еще с большею задушевностью продолжала:

— Завтра вы будете счастливым человеком. Но я боюсь, что вы захотите показать жене Швейцарию или ломбардские озера. Там

прелестно. Мой пансион лишится такого покойного и милого жильца... Но, по крайней мере, я рада, что вы здесь поправились и, смею думать, довольны пансионом... Не правда ли?

“Провались ты к черту со своими разговорами!” — подумал Неволин и слегка раздражительным тоном проговорил:

— Еще мы не решили с женой! Может быть, останемся месяц... Здесь хорошо... Я чувствую, что поправляюсь, и мне нравится ваш пансион, госпожа Шварц!

И с этими словами Неволин вошел в свою большую, полутемную от опущенных жалюзи комнату, прохладную и пропитанную острым запахом креозота и йода, с довольно приличной обстановкой для пансиона в восемь франков в сутки.

На небольшом письменном столе — “секретере” — бросались в глаза три изящные рамки с фотографическими портретами молодой женщины с милым красивым лицом, выражение которого напоминало мадонн. Особенно были хороши глаза, большие, спокойно-вдумчивые и ласковые.

Причесана она была по старой моде. Прорбор посредине, гладкие начесы, прикрывающие уши, и на темени тяжелые косы, собранные в виде коронки. Видимо, эта прическа шла к молодой женщине. На одном портрете, особенно хорошей работы, она была во весь рост. Фигура маленькая и стройная. Не худа и не полна. Руки узкие, с длинными пальцами. На безымянном пальце обручальное кольцо; на мизинце — несколько колец.

В общем привлекательная женщина.

Большой букет свежих роз красовался в вазе на японском столике около качалки. Тут же бонбоньерка с конфетами из Монтре.

Валерий Николаевич открыл шагреновую шкатулку, в которой аккуратно были сложены перенумерованные письма жены, и взял верхнее, полученное накануне.

Голова слегка кружилась. Во всем исхудалом теле чувствовалась слабость.

Неволин прилег на кушетку и, с горевшими низ глубоких впадин глазами, снова стал перечитывать четыре маленькие листка, исписанные крупным разгонистым почерком.

Словно бы чувствуя себя в чем-то виноватой, жена снова повторяла, почему не могла раньше приехать. Теперь маме лучше, перевод романа окончен, сдан в редакцию, гоноرار получен, и она, не вводя мужа в новые долги, может выехать на следующий день и скоро будет ухаживать за больным. Валерий совсем поправится. Петербургский доктор, отправивший Валерия в Швейцарию, говорит то же, что и кларанский. Разумеется, ничего опасного нет. Надо только беречься и не торопиться на север.

Вслед за этими, казалось, спокойными и ласковыми строками, шли тревожно-нежные, но почерк как будто был более нервный и неровный. И Неволин жадно глотал:

“Я знаю, ты сердисься, мой добрый Валерий, что принуждена была откладывать до сих пор поездку. Мне тяжело, что поневоле

обманывала твои ожидания... Подчас это невыносимо... О, как сожалею, что не поехала с тобой. Теперь до скорого свиданья... Непременно завтра поеду, и на курьерском...”

Письмо, по обыкновению, было подписано: “Твоя Леля”.

“Верно, осталась на день в Берлине и пришлет телеграмму, что завтра!”

— И какая она хорошая! — вырвался восторженный шепот.

И, переполненный чувством, благодарный и умиленный, со слезами на глазах, он прильнул горячими и сухими губами к почтовому листу.

“О, как он боготворит ее!” — подумал Неволин и гордился, что так благоговейно и глубоко любит это “золотое сердце”. По-настоящему любит, а не так, как многие его знакомые мужчины.

Он спрятал письмо в карман. В ту же минуту представил себе, что завтра будет здесь, около него, красивая, любимая, молодая женщина, и умиление к “золотому сердцу” исчезло. Вместо него было нетерпеливое, почти озлобленное желание влюбленного, и по пра-

ву, властного мужа.

Какая она цветущая, красивая...

А он?

Неволин сравнил себя.

И с каким чувством тоски, ожесточения и брезгливости посмотрел он на свои исхудалые, костлявые руки, бессильные и бескровные, с желтыми ногтями, — точно у мертвеца.

Он ощупал грудь — одни выдающиеся ребра. Ноги — тонки, как у ребенка, и только кости.

Как ни хотелось ему уверить себя, что поправляется, и что худоба не так уж ужасна, но он не мог не заметить, что страшно худеет и ослабел в последние две недели.

И все-таки еще не почувствовал и не сознал близости смерти. И не думал о ней.

Он так жадно хотел жить, так любил себя и все блага, которые вместе с большинством считал счастьем и, следовательно, смыслом и целью жизни, что упорно хотел верить и верил доктору, который скоротечную чахотку называл для успокоения больного катаром легких.

И чем беспощаднее и быстрее недуг разрушал еще недавно здоровое, сильное тело, тем упорнее надеялся Неволин сохранить его и пользоваться наслаждениями жизни и тем себялюбивее становился, занятый исключительно только собой и своей женой, которая давала ему счастье. А ко всему на свете стал равнодушен.

Валерий Николаевич раньше, когда был здоров, хотя и не отличался склонностью к вопросам непрактического характера, альтруизмом и цивическими добродетелями, все-таки, помимо забот о своем благополучии, интересовался кое-чем и отвлеченным, читал умные книги, и людские невзгоды были не чужды его сердцу. Родные, близкие и знакомые не казались безразличными. А теперь, цепляясь за жизнь, человек словно бы обнажился во всей наготе животного эгоизма. Все помыслы венца творения сосредоточивались на упорном самосохранении.

И Неволин строил планы будущего.

Он мечтал, как о чем-то несомненно сбыточном, что быстро поправится, когда около будет обворожительная жена. И он уж не ста-

нет волноваться и скучать в одиночестве. Они съездят в Женеву, побывают в горах, прокатятся на пароходе по Женевскому озеру. Конечно, покажет Шильон [4]. Поднимутся по железной дороге в Глион. В октябре поедут в Италию, побывают в Венеции, в Милане, Флоренции, Риме и Неаполе... И всегда вместе... А зимой вернутся в Петербург, в маленькую, уютную квартирку, настоящее гнездо, свитое умелой женской рукой.

Он думал о том, как здоровый, сильный и пополнившийся, придет в министерство, и директор департамента, обрадованный, что Неволин снова будет литературно писать записки и доклады безразлично о чем, — намекнет, что место начальника отделения скоро очистится, что сам министр знает о даровитом и усердном молодом человеке-чиновнике и приказал выдать ему к Новому году пятьсот рублей в возмещение расходов на излечение болезни... В шесть часов его встретит Леля, ласковая и умная, ровная и сдержанная, умелая хозяйка и очаровательная маленькая женщина, целомудренно-скромно не понимающая чар своих ласк...

Он думал, как взыскан судьбой, что встретил Лелю три года тому назад в Крыму и понял, что нашел ту... настоящую, единственную...

Мечты оборвались. Неволин заснул.

Колокол к обеду разбудил его.

Он нехотя поднялся. Освежил лицо водой, поправил галстук, пригладил бородку и спустился.

Слабый, он старался казаться молодцом на людях, когда вошел в столовую, где все жильцы пансиона уже сели за стол.

IV

В пансионе, кроме Неволина, был только один русский.

Все знали, что Неволин каждый день встречал жену и что сегодня она не приехала.

— Едва ли бедный русский дождется жены и завтра! — успела уже сообщить хозяйка многим жильцам, прибавив не без соболезнования о напрасной трате Неволина на букет в десять франков и на бонбоньерку с конфетами в двадцать.

Все с сочувствием и в то же время не без любопытного сдержанного удивления взглянули на безнадежно больного русского, не имевшего серьезно-убитого вида несчастного мужа, к которому не едет жена. Особенно приветливо ответив на общий поклон Неволина, продолжали прилично-бесшумно есть суп.

На двух-трех лицах типичных южан-французов мелькнули сдержанно-насмешливые улыбки над упорством заблуждения русского относительно женщин. Глупость доверчивого мужа, казалось, возмущала их еще больше,

чем неприезд жены, о красоте которой давно всем рассказала госпожа Шварц, не раз любовавшаяся портретами молодой русской дамы на столе Неволлина во время его отсутствия.

Дамы, напротив, были исключительно возмущены женой и порицали ее, когда не без удовольствия говорили об ожидании несчастного русского. Оно являлось событием в пансионе, давая интересную и пикантную тему для осторожно-тихих разговоров и предположений в комнатах и на прогулках.

Больной старый пастор-швед еще с большей, казалось, гордостью смотрел за обедом на хорошенькую свою молодую жену с льняными волосами и большими голубыми, словно бы недоумевающими глазами, которая ухаживала за ним с добросовестностью сестры милосердия, благоговейно внимала каждому его слову и нередко при публике целовала его большую белую и волосатую руку, словно бы в доказательство любви, верности и покорности образцовой жены.

Два англичанина, которые не без хладнокровного презрения отнеслись к этой “истории” русских супругов, все-таки воспользова-

лись случаем, чтобы поддержать пари на пятьдесят фунтов.

Приедет ли русская леди до конца недели или не приедет?

Пари должно считаться несостоявшимся, если жена явится только к похоронам джентльмена.

— Прибавлю десять фунтов!.. — процедил старый, плотный заводчик из Бирмингама с румяным, добродушным лицом, обращаясь к соседу, как только что Неволин вошел в столовую.

— All right [5]! — невозмутимо ответил молодой человек, совсем еще юноша, в смокинге и цветном жилете, с подозрительными красными пятнами на своем красивом, нежном и белом безбородом лице, не поворачивая шеи, которую подпирали высокие и туго накрахмаленные воротники.

— Шансы на моей стороне, милорд!

— Еще пять дней! — упорно прошептал юноша.

— Боюсь только, как бы пари не состоялось.

Красавец-юноша промолвил себе под нос:

— Держу двадцать пять, что состоится. Он пять дней продержится. Молодчина!

— Идет...

Чопорная, строгая, полная англичанка лет под сорок, с ослепительно белыми “лошадиными” зубами выдающейся челюсти, затянутая до того, что грудь, казалось, разорвет ажурную ткань лифа, — с взбитыми кудряшками, прикрывающими лоб, и с выхоленными крупными руками, униженными блестящими кольцами, корректно подавила громкий вздох при виде Неволлина.

— Невоспитанная и неприличная женщина! — безапелляционно чуть слышно промолвила англичанка.

Ее соседка, молоденькая рыжеволосая мисс, с изящно-тонкими красивыми чертами бледного лица, невольно чарующая своей простотой и спокойной независимостью, мягко и совсем тихо сказала:

— Вы несправедливы, тетя. Верно, есть уважительные причины, если леди не едет.

— Не может быть причин, Маб. Англичанки их не знают, когда надо исполнять свой долг, Маб!

— Лучше после обеда поспорим. Не правда ли, тетя?

И рыжеволосая девушка бросила взгляд на русского, чтоб убедиться, не мог ли он догадаться о том, что говорят.

Неволин не расслышал слов и не мог бы их понять. Разумеется, он и не подозревал, что о приезде жены и об его близкой смерти держат пари.

Он сел на конце стола, ближе к выходу, около единственного соотечественника в пансионе, писателя Ракитина, пожилого, видного блондина в хорошо сшитом темно-синем вестоне, ловко сидевшем на его барской, слегка располневшей фигуре, с кудреватými светло-русými волосами, красиво-небрежно зачесанными назад, и с подстриженной небольшой бородкой, подернутой сединой.

Неволин нередко рассказывал Ракитину о своей болезни, о скором приезде жены, о своих светлых надеждах, но чаще всего должен был лишь подавать реплики, слушая нового своего знакомого.

Ракитин любил говорить и любил, чтоб ему благоговейно внимали — и особенно женщины, не старше сорока лет и не оскорбляющие его эстетического, довольно изощренного вкуса — и чтобы не забывали — и еще лучше, если показывали ему — что он умный и талантливый писатель Ракитин и очень интересный еще мужчина, несмотря на его пятьдесят два года, для удобства, впрочем, сокращенные им до сорока восьми, тем более, что молодость его не давала повода к сомнениям.

Все в пансионе Шварц знали, что Ракитин “знаменитый” русский писатель и что приехал в Кларан оканчивать новый роман.

О своем писательстве Ракитин объявил г-же Шварц в день приезда, когда объяснил ей, зачем просит поставить в его комнату письменный стол побольше, и осведомился: нет ли по соседству больных.

Вероятно, ради большей чести для пансиона, хозяйка произвела нового жильца в “знаменитого”, о чем и сказала пансионерам.

Неволин испытывал перед Ракитиным невольное чувство неловкости и даже виноватости за то, что жена, о последнем письме которой он обрадованно сообщил ему, не приехала!

Стараясь скрыть это, он слабо пожал слабыми худыми руками полную, мясистую руку Ракитина и не без тайной зависти взглянул на его красивое, несколько самоуверенное и заносчивое лицо с умными, слегка насмешливыми, лукавыми темными глазами и стал есть суп, преодолевая отвращение к пище. И наконец, словно бы недовольный, что Ракитин молчит, проговорил преувеличенно-спокойным тоном:

— Вас удивляет, что жена не приехала, Василий Андреич?..

— Верно, что-нибудь задержало, Валерий Николаич!

— В Берлине отдыхает. Завтра и приедет.

— Получили телеграмму?

— Еще не получил... Получу.

“И ведь все еще упорно верит!” — подумал Ракитин.

Эта маленькая, красивая женщина с ан-

гельскими глазами, судя по портретам, о которой так часто и восторженно говорил Неволлин, возбуждала в Ракитине и любопытство писателя и завязтого любителя интересных женщин.

“Наверное втюрилась. Снова что-нибудь солжет в телеграмме или в письме, и этот до idiotства ослепленный муж опять поверит, будет ждать, волноваться и ходить на вокзал. Свинство, что не едет... Могла бы приехать и скрыть от умирающего, что не любит его. На это женщины виртуозки и умеют искренно пожалеть тех, кого обманывают. Откуда такое бессердечие у этой женщины?” — спрашивал себя Ракитин.

— А если Елена Александровна завтра не придет? — осторожно проговорил Ракитин, чтобы заранее подготовить Неволина к возможному разочарованию.

— Не придет? Почему вы предполагаете, что жена не придет? — спросил Неволлин.

В его взволнованном глухом голосе были и смущение, и испуг, и мольба.

Он знал, как “подло” смотрит Ракитин на женщин и с какой циничной простотой отно-

сится к ним. Это чувствуется и в его разговорах и в тех его писаниях, которые Неволин читал.

И в голову чахоточного, полного веры в любимую женщину, закралась мысль, благодаря Ракитину:

“Что может подумать Ракитин... Почему она не едет?”

— Предполагаю самую обыкновенную вещь. Что-нибудь может задержать отъезд на два-три дня! — ответил Ракитин самым, казалось, искренним тоном.

— Но ведь я читал вам вчерашнее письмо жены? — с тоном упрека промолвил Неволин.

— Да разве мало непредвиденных обстоятельств, Валерий Николаевич!

Глаза Ракитина, казалось, улыбались.

Сердце Неволина заколотилось сильнее, когда, с тревожной пытливостью заглядывая в глаза Ракитина, уже не улыбающиеся, медленно и, казалось, с трудом спросил:

— Например?

— Хоть бы рецидив болезни матери Елены Александровны...

От сердца больного отлегло. Дышать стало

свободнее.

И, просветлевший, он проговорил:

— Разве что это...

И через минуту прибавил:

— Но пока этого нет, вы завтра убедитесь, что ваши пессимистические взгляды на женщин не подтвердятся... По крайней мере на жене! — проговорил с внезапным возбуждением Неволин.

— Да вы что на меня клеплете, голубчик? Разве я обобщаю свои наблюдения... Разве не знавал я прелестных, правдивых женщин? — сказал Ракитин успокаивающим ласковым тоном своего мягкого, бархатного голоса, которым владел по временам с мастерством прирожденного актера. — Да вот вам налицо пример прелестного создания... Взгляните на эту рыжеволосую мисс... Зато остальные... Например, как ее тетка с лошадиным лицом... Предложи на выбор — жениться или в Якутскую область... Конечно, последнее... Или такие лицемерные тихони, как пасторша, целующая на людях не особенно чистоплотную руку своего пастора преклонных лет и поневоле аскетического настроения... А зрелая де-

ва из Гамбурга?.. А какой фрукт сама хозяйка? Этот маленький Меттерних, вечно улыбающаяся монументальная отставная красавица Августа Шварц... Какая шельма, какая выдержка и какая репутация!.. Говорила она вам, как любит своего плюгавого Шварца-повара?

— Говорила.

— А вчера, рано утром, я слышал, как она его любит, когда все пансионеры спали, и “идиллия” еще не одевалась...

Ракитин бросил зубоскальство и стал прислушиваться к тихим разговорам пансионеров.

Не нравилась ему эта чинная, накрахмаленная, буржуазно-самодовольная публика. Особенно возмутили его два англичанина, когда услышал, на что они держали пари. С каким удовольствием оборвал бы он их, умеи говорить по-английски!

Но он говорил по-французски довольно бойко, не стеснялся ошибками и вступал в разговор с французами.

VI

Не прошло и пяти минут, как Ракитин уже заспорил с горбоносым, темно-бронзовым, болтливym, энергичным и решительным стариком, с седой, коротко остриженной головой, с седыми, поднятыми кверху усами и эспаньолкой. Он только что сообщил, что он рантие с тридцатью тысячами дохода, заработанного своим горбом, когда был механиком и пайщиком на заводе в Марселе, что теперь путешествует для своего удовольствия, видел много стран, но, по совести говоря, лучше Франции с ее культурой, свободой, цивилизацией и благосостоянием он не видал...

— Если б только наше правительство было построже и не поощряло мильерановских бредней [6], о, тогда...

Авторитетная самодовольная бравада типичного буржуа и вызвала Ракитина, уже раньше познакомившегося с французами, на спор. Впрочем, спор скоро обратился в лекцию Ракитина.

И он не лишил себя тщеславного удовольствия щегольнуть, хотя бы и перед “буржуа-

ми”, своими смелыми взглядами, высокомерно “разделявая” общественный строй с его торжеством хищника-капитала, терпением рабочих классов, предрассудками, привилегиями и государственными людьми, служащими интересам того же капитала.

Пансионеры, видимо, были шокированы и дерзкой смелостью русского и, главное, его совсем неприличным, казалось всем, тоном, вызывающим, нервным, несколько повышенным. Словно бы Ракитин поучал идиотов.

Ракитин сиял. Он чувствовал, что в ударе и даже на чужом языке говорит хорошо.

И, возбужденный, он сам с удовольствием слушал свои закругленные, красивые и эффектные периоды, полные неожиданных блесков остроумия и злых сарказмов, и не сомневался, что они во всяком случае произведут и на “идиотов” впечатление, и что в столовой — ни звука.

А между тем он взглянул на пансионеров... и что же?

Никто не обращал ни малейшего внимания на его слова. Ему казалось, будто все нарочно перекидывались между собою словами

и будто смеялись на его счет.

Дамы хоть бы взглянули на него. Ни прелестная мисс, ни хорошенькая пасторша с недоумевающими глазами. Ни две волоокие румынки проблематических лет. Ни поблекшая девица из Гамбурга, худая как спичка, мечтательная, краснеющая и уписывающая все блюда с таким добросовестным аппетитом, будто ей было предписано: войти в тело.

Только одна мадам Шварц вытаращила на него свои подведенные глаза и бросала то умоляющие, то угрожающие, то злые, то испуганные, то наконец многообещающие взгляды, очевидно, дающие понять “знаменитому” писателю — не позорить пансиона и не разорить бедную женщину.

Два англичанина — и старый и юный — были высокомерно-равнодушны. А юный — Ракитин знал — говорил по-французски правильно и с собачьим акцентом.

И даже старый француз, которого главным образом выбрал жертвой Ракитин, и тот, хоть по временам поднимал от тарелки глаза, загоравшиеся блеском, и слушал, сдерживая раздражение, но при этом оскорбительно-на-

смешливо улыбался.

“Так я вам, остолопы, покажу!” — по-русски подумал Ракитин, больно задетый в своем самолюбии.

И словно бы решивший огорошить этих “идиотов”, уже достаточно взвинченный, Ракитин с вызывающей уверенностью и спокойной развязностью сказал, повторяя слова Нитцше, что все наши ходячие мнения требуют переоценки, и прибавил:

— Возьмите хоть брак. Это одно из нелепых учреждений. В будущем форма его изменится. По крайней мере не будут обязывать супругов любить по гроб жизни и быть каторжниками. Родители поймут, как портят они своих детей...

Слова Ракитина произвели на пансионеров ошеломляющее впечатление.

Чопорно-строгая англичанка не ахнула от негодования только потому, что ахать неприлично. Но она закрыла уши руками. Глаза ее стали неподвижно-злыми. Губы что-то шептали и, казалось, призывали кары на святотатца.

— В каком мы обществе, Маб!

Старый высокий швед-пастор повел на Ракитина неумолимо-скорбный и в то же время безнадежно-суровый, тяжелый взгляд.

— Эльза! Не слушай безбожной нелепости! — строго шепнул он.

— Не буду, Аксель! — покорно ответила хорошенькая “фру”.

И, опустив свои голубые, словно бы еще более недоумевающие глаза на тарелку, не спеша и строго-добросовестно ела рейнскую лососину под голландским соусом, и сделалась и задумчива, быть может, оттого, что не исполнила обещания и слушала хоть и безбожные, но интересные предсказания о браке.

И остальные возмущенные дамы, старавшиеся казаться чересчур оскорбленными профанацией брака, стыдливо не поднимали глаз, но все-таки жадно слушали.

И, словно бы в оправдание такого любопытства, пожилая девица из Гамбурга смущенно промолвила:

— До чего дойдет этот наглый господин... Он забыл, что здесь и девицы!

Только рыжеволосая мисс Маб имела доблесть слушать серьезно и спокойно, не

оскорбленная, казалось, речами русского.

Старый джентльмен из Бирмингама, любитель пари, спросил соседа:

— О чем может говорить этот русский?

Молодой человек объяснил.

— Держу пари, что он из Бэдлама [7]! — процедил сквозь зубы заводчик.

— Он просто не джентльмен. Говорить за обедом неприлично-громко свои глупости! — презрительно-спокойно ответил юный лорд.

Рантье уже несколько остыл и, воспользовавшись паузой, любезно сказал Ракитину:

— Я не умею так увлекаться и убедительно спорить, как вы, и потому не смею продолжать. Но хоть мы не сходимся в мнениях, это не мешает мне уважать и любить русских. Франция и Россия — обе великодушные и благородные великие нации!

И он поднял стакан, отпил глоток красного вина и прибавил с едва слышной иронической ноткой в голосе:

— Вы, конечно, проводите такие же смелые взгляды и в ваших, вероятно, интересных книгах, которые, к сожалению, не могу прочесть.

Польщенный комплиментом, Ракитин вспыхнул и, казалось, не заметил насмешки.

И, понижая голос, ответил уже без заносчивости:

— Не совсем!

Тогда рантье-француз с еще большей любезностью спросил:

— Но, вероятно, вы так же смело и остроумно указываете на... на несовершенства русской жизни, как сейчас указывали на банкротство нашего строя?.. И не сомневаюсь, что вашим общественным деятелям так же достается, как достается от наших журналистов нашим министрам?

Ракитин нервно воскликнул:

— Мы в других условиях...

И благоразумно не продолжал.

Старый француз, по-видимому, вполне удовлетворился ответом и тотчас же заговорил со своим соседом о превосходной рыбе и попросил подать ее еще.

Окинув взглядом общество, Ракитин мог убедиться, что пансионеры достаточно “огорошены” и достаточно неприязненны.

— Небось, они остались довольны... Не

правда ли? — обратился торжествующе к Неволину Ракитин.

Неволин равнодушно ответил:

— Охота была вам, Василий Андреевич, кипятиться.

VII

На следующее утро хозяйка постучала в комнату Ракитина. Она вошла торжественно и серьезная в полном своем обычном “параде” и, после изысканных извинений, что осмелилась помешать его вдохновению, “позволила себе” заметить, что несомненно возвышенные мнения г.Ракитина, которые так понравились ей самой, к сожалению, взволновали и испугали пансионеров и вредно подействовали на больных...

— Да вы присаживайтесь, госпожа Шварц...

И Ракитин пододвинул кресло хозяйке...

— О, не беспокойтесь, monsieur... Я на одну минуту.

Однако хозяйка присела и продолжала:

— И многие выразили мне неудовольствие на громкие споры за столом. А мой принцип: полное спокойствие жильцов, которые делают честь пансиону. Вы, как необыкновенно умный человек, конечно, согласитесь с этим принципом? — любезно и твердо прибавила хозяйка.

— А не то, госпожа Шварц, вы захотите лишиться такого необыкновенно умного человека? — ответил, улыбаясь, Ракитин.

— К сожалению, я поставлена в тяжелое положение...

— А комната здесь отличная... Не жарко...

— И какой вид с балкона...

— И вид... И работается хорошо... И кормите порядочно...

— Я стараюсь! — вставила госпожа Шварц.

— Вы образцовая хозяйка и — примите вполне заслуженную дань — такая интересная женщина, что присутствие ваше за столом может только доставлять эстетическое удовольствие... Одним словом, пансион мне нравится.

И с серьезным видом прибавил:

— Простите нескромный вопрос, милая хозяйка: вам лет — тридцать?.. Или нет еще?

— Что вы?.. Вы смеетесь?.. Я старуха... Мне сорок два! — скромно промолвила госпожа Шварц, внезапно оживляясь, словно старый парадер, слышавший трубу.

— Неужели?.. А какой же у вас, значит, животительный воздух... Моложавит... Без шуток

говорю! — воскликнул Ракитин, который по привычке старого юбочника говорил до дерзости невозможные комплименты, самодовольно уверенный, что хоть долю из вранья женщина примет за правду.

— Я когда-то была недурна, а теперь...

И госпожа Шварц вздохнула и тоже по старой привычке сверкнула когда-то многообещающими глазами.

— Так вы извините, что я вынуждена была передать вам неудовольствие пансионеров...

— Какие извинения!.. Можете быть спокойны, что больше я не поставлю вас в неприятное положение и ваших пансионеров не огорчу спорами.

— Как приятно иметь дело с таким умным человеком! Нет слов благодарить вас...

Госпожа Шварц не уходила.

И, принимая серьезно-грустный вид, с искусственно печальной торжественностью произнесла:

— Считаю своим долгом сказать, что ваш соотечественник очень плох.

— Бедняга! Еще вчера вечером я сидел у него, и он бодрился.

— Милый наш доктор только что был у Неволина...

— И что же сказал?

— Он предупредил меня, что бедный молодой человек более недели не протянет.

— Неволин и не догадывается?

— Почти все чахоточные не догадываются. А кажется, так легко догадаться... Я сейчас навещала Неволина... Он не встал сегодня с постели и наверно уж не встанет... И как слаб, как взволнован!..

— Отчего взволнован?

— Рано утром получил телеграмму... О, как жестока его хорошенькая жена! Как жестока! Бывают бессердечные женщины, но такие, как она, редки. Не правда ли? Вы, как писатель, знаете нас. А Неволин не знает. Он все еще надеется... А я, признаюсь, думаю, что эта дама совсем не приедет... К чему ей умирающий муж? Она, верно, забыла священный долг жены... А он так ждет, так любит! — И госпожа Шварц поднесла к глазам носовой платок. — Мне так жаль молодого человека, который так хочет увидеть жену и умирает один, на чужбине, что я посоветовала ему

сейчас же ехать в Петербург...

— Умиравшему? — воскликнул Ракитин.

“И какая же ты стервоза!” — подумал он.

— Доктор находит, что больной доедет...

Уже ожидание видеть через два дня жену поддержало бы его... Так бы хорошо было бы для него умереть около любимого человека... И когда я сказала о Петербурге и думала, что поездка его обрадует, Неволин — вообразите — взволновался и рассердился...

— Не оценил вашей доброты, госпожа Шварц?

Хозяйка сделала вид, что не услышала злой иронии в голосе Ракитина и не заметила его насмешливых глаз.

— Я желала Неволину добра... Разве не ужасно умереть одному, без близких?..

— Но все-таки дайте ему умереть в пансионе...

— Да разве я не хочу держать умирающего в пансионе?.. О, не говорите так, monsieur! Я не заслуживаю обидного подозрения. Я христианка! — патетическим тоном оскорбленной добродетели воскликнула хозяйка. — И я так люблю бедного Неволина. Он всегда был

так добр и деликатен со мной... Так предупредительно платил вперед. И — спросите у него — как я заботилась о нем! Поверьте, что я постараюсь, чтобы его последние дни в моем пансионе были по возможности покойны... Сегодня же позову сиделку, хотя бы на мой счет, если Неволин не вспомнит перед смертью заплатить ей...

И, словно бы в доказательство ее христианской любви к ближнему, она прибавила:

— Вы знаете, с какими предрассудками приезжие? Я понесу большие убытки, если нескоро сдам комнату — ведь комната превосходная? — после покойника... А для бедной женщины это чувствительно, но я и не подумаю мысленно упрекнуть память молодого человека... Тревожит меня только одно...

— Что такое? — спросил Ракитин.

— Я не знаю, как быть, если жена не придет, и Неволин умрет... Кого известить, кроме жены, других близких в Петербурге... Где захотят похоронить его... И вообще...

— Об этом не беспокойтесь... Я все сделаю... И заплачу по счету...

— О, пустяки... Об этом не стоит и гово-

рить... Значит, вы примете на себя все заботы... Я так и думала... Да и кому же позаботиться, как не соотечественнику, да еще такому великодушному, как вы...

С этими словами она поднялась, еще раз извинилась, что помешала вдохновению, и величественно удалилась, довольная своим визитом к Ракитину.

“Свои “нелепости” говорить за обедом не будет и пансионеров не напугает. Последний счет за Неволина и сиделке уплатит, и весьма вероятно, что после смерти Неволина перейдет в его комнату. Такой нахальный господин не может иметь предрассудков. Да и вполне здоровый человек!” — подумала госпожа Шварц.

И хоть она считала Ракитина не очень-то повадливый пансионером, требующим от горничной основательной и своевременной уборки и добросовестной чистоты сапог и платья, тем не менее нашла, что он мужчина не без вкуса, когда вспомнила его комплименты, и решила, что он будет менее требователен, если, вместо Шарлотты, назначить горничной в его номер хорошенькую молодую

Клару.

VIII

Кровать была подвинута к открытому окну, и Неволину казалось, что именно это и было нужно, чтобы ему было покойнее лежать в постели и дышать легче.

С высоко приподнятой головой на подушках и с закрытыми глазами, он походил на мертвеца. Но когда открывал глаза, они блеснули, сосредоточенно возбужденные и серьезные, словно бы какая-то мысль волновала его и требовала разрешения.

Он повернул глаза к окну; голубое небо, и горы, и блеск чудного утра обратили на себя особенное, проникновенное внимание Неволлина, и он с новым, доселе неиспытанным чувством восхищения взглядывал в окно.

“А он такой одинокий, такой слабый, и жена не едет!” — подумал Неволлин.

И жалость к себе охватила его. Крупные слезы катились на щеки.

Он снова думал о жене и снова пробовал успокоить мучительность дум. Он сам виноват, что Леля не торопится. Она не знает, что катар так обессилил его. Зачем он не писал,

что худеет и по ночам мокрый от пота? О, давно была бы она здесь, и он поправлялся бы... Не было бы этого мучительного волнения...

Из-за него и стало хуже. Доктор только что был и не нашел ничего особенно серьезного... Временное обострение. Новое лекарство поможет... Но как долго тянется болезнь...

“И отчего Леля опять не могла выехать, как обещала!”

Эта мысль не могла отвязаться с той минуты, как Неволин получил, полчаса тому назад, телеграмму...

И он протянул руку к ночному столику за телеграммой и снова прочитал эти строки, которые заставляли сердце его биться сильнее.

“Прости. Раньше трех дней не могу выехать. Не тревожься. Телеграфируй, как здоровье. До свиданья”.

Опять отложила. А Леля так нужна теперь, когда могла бы ходить за ним. Разве она не знает, что он один... один...

— Да что это значит? — мысленно спрашивал себя Неволин.

И снова упорно делает всевозможные предположения о причинах неприезда жены. Но теперь ни одно предположение не успокаивает его... И уверенность Ракитина, что жена не приедет сегодня, и его разговоры о лживости женщин невольно припоминаются Неволину...

И какая-то мысль словно бы вдруг озарила голову Неволина. Он, казалось, все понял, и ужас исказил черты его мертвенного лица.

— Не может быть. Такая подлость!

Неволин гнал от себя прочь внезапную мысль, точно что-то ужасное и страшное. Но она, напротив, все более и более овладевала им. Он вспомнил слова жены о нездоровье ее по вечерам перед отъездом его из Петербурга, ее советы поскорей уехать в Швейцарию, ее внезапное смущение, когда он целовал ее в губы, все это являлось в новом, казалось, все объяснявшем освещении. И Неволин с какою-то поразительной ясностью галлюцинации увидел перед собою свою маленькую, изящную жену с вдумчивыми ангельскими глазами, рядом с молодым, румяным красавцем бароном Лахти, его приятелем и сослуж-

живцем.

“А она еще так суха была с бароном. Находила, что он самодовольный болван... А этот болван...”

И, пораженный открытием, внезапно охваченный ожесточенной обидой ревности и злобой, он вдруг почувствовал прилив силы, порывисто поднялся, присел на кровати и, задыхаясь, грозя в пространство костлявой рукой, почти что крикнул:

— Подлая! Я выздоровею и тогда... Я...

Неволин не мог продолжать. Он закашлялся. Кровь показалась из горла.

С ужасом страха и тоски в расширенных глазах смотрел он на смоченный кровью носовой платок. Неволин сразу ослабел, и голова его упала на подушки.

Прошло несколько секунд обморока.

Неволин открыл глаза, и панический страх прошел — кровь остановилась. Ему дышалось легче.

“Верно, какой-нибудь маленький сосуд лопнул”, — подумал Неволин.

И теперь он еще с большей уверенностью думал, и не без злорадства думал, что новое

лекарство поможет. Он начнет поправляться и уже не будет таким доверчивым мужем. Не пойдет встречать поезда.

Перед инстинктом самосохранения и жаждой жизни бешеный взрыв прошел, и острота обиды оскорбленного человека смягчалась. Эгоизм безнадежно больного невольно старался уверить его в несправедливости подозрения, что он обманут и так нагло и бессовестно. И — главное — теперь, когда ему хуже, встреча с женой уже не представлялась, как влюбленному. Он ждал сиделку, которая сумеет ходить за ним. Ведь он болен!

И Неволин думал:

“Она обязана быть около. Не смеет не приехать к больному мужу. Не смеет! — настаивал Неволин, подбадривая себя. — Леля не лживая. Она три года любила и ни с кем даже не кокетничала... Почти всегда были вместе... Не могла бы писать такие письма и в то же время обманывать. Она честная женщина. Всегда говорила, что долг обязывает. И к чему ей лгать? Она могла бы написать, что полюбила другого. Ведь они перед женитьбой дали друг другу слово сказать, если кто из них раз-

любит. И как он с ней был откровенен. Как доверчив. Как старался исполнить малейшие ее желания. Ничего не жалел. Работал, как вол, для нее. Сколько тратил на нее! Напрасно он взволновался... Из-за этого и пошла кровь. Надо беречься. Еще пять дней, Леля приедет, и он убедится, что подозрения нелепы... Они призраки больного...”

И Неволин беспокойно подумал, что новое лекарство еще не принесли. Шварц сказала, что через четверть часа принесут.

— Свиньи! — внезапно раздражаясь, прошептал Неволин, взглянув на часы, и позвонил.

Прошла минута.

Ему казалось, что его все забыли. Нарочно никто не идет. А ведь, кажется, хорошо платит Берте.

Неволин снова звонил.

Берта, только что оторвавшаяся от уборки соседней комнаты, торопливо вошла и, приветливо улыбаясь при входе к жильцу, спросила:

— Что угодно?..

— Лекарство! — раздраженно спросил

Неволин и злыми глазами смотрел на молодую, румяную и сильную горничную с вспотевшим озабоченным лицом.

— Сейчас пойду.

— Не могли сходить... Это что же?..

— Но, monsieur, я не виновата. Аптекарь сказал, что лекарство может быть готово через двадцать минут... А двадцати не прошло...

— Это бессовестно со стороны аптекаря... Не правда ли?.. Прошу вас, сию минуту идите... Только подайте платок... О, господи!..

И Неволин сердился на БERTУ и за то, что она здорова, и за то, что она, казалось, безучастна к нему и улыбается, как и госпожа Шварц, лицемерно.

“И вообще люди большие эгоисты и думают только о себе. Он не такой эгоист! — с наивной уверенностью подумал Неволин и вспомнил, как он заботился о Леле, как сидел целую ночь, когда она захворала.

Обозленный, он уже мысленно упрекал теперь жену и словно забыл, что она “золотое сердце” и как ухаживала за ним, когда он заболел.

И внезапно проговорил:

— Это подло!

Ему хотелось плакать и от обиды, и от нетерпения поправиться, и от нового злого чувства к женщине, которую так особенно сильно любил, как это казалось.

Через несколько минут Берта, обливавшаяся потом, принесла лекарство и сказала, улыбаясь добрыми круглыми глазами:

— Бежала... Теперь примите, и вам будет лучше!

Он поблагодарил Берту и заискивающе попросил скорей развести один порошок в рюмке с водой. Он нетерпеливо смотрел, как она это делала. Один вид нового лекарства словно бы гипнотизировал его и внушал уверенность, что порошок поможет.

И как только он выпил до последней капли полрюмки, ему стало сразу легче. Мокрота не душила. Дышать было свободнее. Свист из груди не вылетал.

— О, благодарю вас, Берта! Идите... Мне ничего не нужно!

Берта ушла, скрывая под обычной приветливой улыбкой жалость к этому несчастному умирающему господину.

Неволин смягчился. Берта уже не казалась такой безучастной к нему. И Леля, разумеется, не так виновата, и он напрасно ее подозревает. Через пять дней она придет и будет сидеть безотлучно при нем.

“О, теперь я поправлюсь!” — уверенно подумал Неволин.

И, закрывая глаза, охваченный радостным чувством какой-то необыкновенно счастливой сонной грезы, заснул, широко раскрыв рот.

Сонный порошок подействовал быстро.

IX

Известие хозяйки о том, что Неволину, по словам врача, не протянуть и недели, и что жена прислала телеграмму о новой отсрочке, вызвало в Ракитине быстрое решение: вызвать жену к умирающему мужу.

Пусть хоть умрет верующим в нее “влюбленным дураком”!

Ракитин жалел “дурака” и обижался за него, как мужчина, который не дался бы в такой обман. Жена Неволина возмутила Ракитина. Но в то же время ему хотелось познакомиться при исключительных условиях с этой хорошенькой, “проблематической барынькой”, как поспешно уже зарисовал ее Ракитин в своем представлении.

Он изучит “интересный тип”. Недаром он быстро отгадывает женщин и до сих пор пользуется успехом у них. А теперь сердце его кстати было свободно.

Ракитин помнил адрес. Неволин не раз о нем говорил Ракитину, когда приглашал его навестить их зимой.

И, подписав “срочная”, Ракитин составил

следующую телеграмму:

“Если хотите застать мужа в живых и облегчить последние его минуты, немедленно выезжайте. Соболаговолите срочно телеграфировать больному о выезде”.

“Небось, прикатит после такой телеграммы, и бедняга дождется наконец свою мадонну!” — мысленно проговорил Ракитин и вышел.

С телеграфной станции Ракитин ушел довольный. Последние дни около бедняги Неволлина будет любимая жена. И, разумеется, не хотел бы себе сознаться, что очень доволен своим добрым делом и потому, что увидит эту возмущающую его бессердечную женщину, будет часто с нею вместе в комнате умирающего и провожать на прогулках.

Эта программа уже пробегала в голове Ракитина, когда он возвращался в пансион, взглядывая на проходящих молодых женщин с любопытством.

У решетки сада пансиона Ракитина остановил молодой красавец англичанин в светлой фланели и, приподнимая фетр, обмотанный кисеей, любезно спросил:

— Как здоровье вашего соотечественника?

— Плох! — с умышленной резкостью ответил Ракитин.

— О-о-о! Но, надеюсь, еще протянет?

— Пяти дней не проживет! — резко и насмешливо ответил Ракитин.

Молодой человек, казалось, не считал нужным заметить резкий и явно насмешливый тон Ракитина.

Он снова значительно протянул свое: “о-о-о!” и с спокойной и вежливой настойчивостью прибавил:

— Извините, что задерживаю. Позвольте один вопрос?

— Позволяю.

— Жена вашего бедного друга приедет?

Ракитина взорвало.

Он в упор взглянул в светлые, добродушно-спокойные глаза англичанина.

“Экая уверенная молодая скотина!” — подумал Ракитин и с дерзкой насмешкой сказал:

— Не приедет!

— О-о-о!

— Вы пари проиграете!

— Благодарю вас. Очень жаль! — невозмутимо вежливо промолвил молодой человек.

И, приподняв фетр, вышел на улицу, по-видимому, несколько недоумевающий такой резкости русского писателя.

А Ракитин, обрадованный, что оборвал высокомерного англичанина, торопливо направился в пансион.

В коридоре он встретил Берту.

— Больной все еще спит?

— Только что проснулся.

— В постели?

— Приподняться хотел и не мог...

— Сиделки еще нет?

— Нет...

— О, сейчас придет... сейчас придет! — проговорила откуда-то появившаяся хозяйка. — Я уж была у одной особы... Но только дорого спрашивает... Десять франков в сутки на всем готовом... Это будет стоить пять франков у меня... Самая дешевая цена... Угодно переговорить с особой?.. Верно, и предупредите бедного Неволлина?

Ракитин не спорил о цене, хотя и понимал, что хозяйка делает свой гешефт. Да и нелов-

ко, казалось ему, было торговаться.

“Ну и черт с тобой!” — мысленно промолвил Ракитин и, улыбаясь лукавыми своими глазами, сказал:

— Надеюсь только, что ваша особа не наведет на больного уныния?

— Простите... Я не совсем понимаю... Чем может навести уныние сиделка, которую я рекомендую? — не без достоинства проговорила госпожа Шварц и приготовилась обидеться в качестве “слабой женщины”.

— Разве не понимаете, милая госпожа Шварц, чем сестры милосердия удручают?..

Ракитин рассмеялся и продолжал:

— Да своим торжественно-участливым видом, точно хочет сказать: мне жаль умирающего. Или — что, пожалуй, еще хуже — обладает такой наружностью, что больной будет волноваться от раздражения.

О, она поняла. Она и не могла подумать, что такой знаменитый писатель мог считать госпожу Шварц совсем глупой. Она, слава богу, понимает, как важно для больного видеть около себя успокаивающее, приятное лицо. Это важно не только для больных, но — осме-

лится выразить свое мнение — и для здоровых. И она не держит в своем пансионе уро- дов-горничных.

— Это мое правило! — не без гордости прибавила хозяйка.

— Недурное правило, госпожа Шварц. Но сиделка?..

— Будьте спокойны за вашего соотечественника... Последние его дни не будут омрачены... Особа очень милая женщина... лицо самое располагающее и внушающее доверие... Правда, она не первой молодости, ей за тридцать, но моложавая, сильная и симпатичной наружности, вполне приличная дама... Как раз лучший возраст для своей тяжелой обязанности... Ведь для тяжкого больного и не нужна молодая сиделка... Только могла бы стеснить... не правда ли?

Ракитин, конечно, согласился.

— О, бедный Неволин будет доволен своей сиделкой. Она любит свое дело милосердия... понимает, что больные капризны и раздражительны, и ни лицом, ни манерами, ни разговором не раздражит, а, напротив, успокоит больного...

И хозяйка значительно прибавила:

— Я тоже наблюдала больных... Приходилось!.. Так я буду ждать вашего приказа...

И, любезно поклонившись, хозяйка величественно направилась в одну из комнат, слегка повиливая своими широкими бедрами.

Когда Ракитин вошел в комнату Неволина, пропитанную запахом лекарств, и увидел неподвижную черную голову, землисто-бледное лицо и лежавшую на одеяле длинную исхудалую руку, Ракитин точно увидел покойника.

Он невольно поморщился, вдруг стал серьезен и, тихо подходя к кровати, как-то съежился, опустил голову и будто стал меньше ростом, словно стараясь скрыть перед Неволиным, как он высок, плотен, крепок и цветущ.

И, смягчая свой крикливый голос, тихо, без обычной подбадривающей веселости, ласково проговорил:

— Ну, как дела, Валерий Николаич?

Осторожно, тая брезгливое чувство, слегка пожал руку Неволина и присел на стул около

кровати.

— Спасибо, что навестили, Василий Андреич! — обрадованно ответил Неволин. — Вернэ прописал новое лекарство, и я чувствую себя гораздо лучше... Только слабость... Завтра встану...

И, внезапно показывая раздражение более, чем его было, прибавил:

— А эта свинья-хозяйка... вообразите, Василий Андреич.

— А что?

— Предлагала ехать в Петербург... Точно сбуть меня хочет... Будто я могу умереть в ее пансионе. Но я еще не собираюсь, кажется, умереть. Катар — не туберкулез. Вернэ не врет! Да я сам знаю! — вызывающе и возбужденно говорил Неволин.

— Хозяйка и не думает.

— Зачем же предлагала ехать в Петербург?

— Вы получили телеграмму... Хозяйка, верно, подумала, что Елена Александровна не может скоро приехать. Ну и подумала: вы к ней поедете.

— Разве... Но зачем я поеду?.. Это глупо... Действительно, вы предугадали вчера, Васи-

лий Андреич... Сегодня жена не приедет... Невозможно было... Сама прихворнула... ничего особенного, — сочинял Неволин. — Но через пять дней можно выехать... Непременно приедет!

— А быть может, и раньше выедет. И мне кажется, что так и будет. Прихворнула... испугалась и добросовестно предупредила... А увидит, что пустяки, и прикатит...

— Вы предполагаете?..

— Уверен. Женщины мнительны...

— Да... да... Леля мнительна, — обрадованно проговорил Неволин.

Он помолчал и возбужденно прибавил:

— И знаете что?..

— Что?

— Я рад, что вы увидите жену...

— Надеюсь, на днях.

— И тогда... Вы мало наблюдали хороших женщин...

— Верно, легче описывать отрицательные, чем положительные типы.

— А познакомьтесь с женой... и опишете положительный тип... Непременно... Не думайте, что говорит ослепленный глупый

муж... Сегодня и я подло усомнился в ней, и знаете почему?

— Почему?

— Нашло омрачение... Во мне какой-то злой зверь заговорил, и мне показалось, что Леля меня обманывает...

— Просто галлюцинации больного...

— Разумеется... галлюцинации... Разве я имею основание не верить... Выслушайте, Василий Андреич, и вы поймете, что не имею никаких оснований. Ни малейших!

Неволин проговорил эти слова взволнованно, с порывистым, страстным и тоскливым возбуждением трусливого человека, в котором еще тлело подозрение. Он желал, чтобы его не было и не могло быть, и чтобы Ракитин, писатель, скептик и циник, смеясь рассказывавший, что давно разошелся с женой для общего их удовольствия, и, по-видимому, большой ухаживатель, — убедился, что он не обманутый муж, и, главное, убедил в этом того, который так горячо, казалось, говорил о том, что нет никаких оснований для постыдного подозрения.

Тогда он не будет напрасно волноваться в

ожидании приезда... Или... по крайней мере, проверит словами Ракитина свои подозрения.

И, тая про себя лукавство, с особенной ласковостью просил:

— Не откажите в просьбе скучающего больного, Василий Андреич! Мне так хочется поговорить о жене именно с вами. Вы такой умный человек. Так много видели, испытали, наблюдали... Что для такого, как я, обыкновенного среднего человека многое, быть может, темно... для вас — ясно...

“Ишь лукавит! Прозрел наконец. Усомнился в своей хорошенькой мадонне и ищет эксперта. Так я и отравлю последние его дни!” — с чувством негодования подумал Ракитин.

И, забывая, что он собирается на глазах умирающего мужа “изучать проблематическую барыньку”, Ракитин даже почувствовал удовлетворенность порядочного человека. Ведь, благодаря ему, Неволин умрет на руках любимой жены верующим, что она любит.

— Только много говорить, пожалуй, и вредно... А, Валерий Николаич?.. Того и гляди, еще взволнуетесь... А вам надо скорей поправиться... А то жена приедет, а вы валяетесь, —

проговорил Ракитин.

— Мне не вредно говорить... Ей-богу, не вредно... Вернэ позволяет. Он и курить позволяет... И есть все позволил... И я чувствую себя отлично... И отчего волноваться... Или вам некогда?.. Писать хотите?.. Или надоело со мной сидеть?..

— Писать еще успею... И ничуть не надоело... Я с удовольствием послушаю вас, только смотрите, устанете... отдыхайте!.. — сказал Ракитин.

“Ведь теперь ему все можно! Пусть рассказывает!” — подумал Ракитин и стал смотреть в блестящие, оживившиеся глаза Неволлина.

И Неволлин начал:

— Да... Я человек и порядочный... И так подло заподозрить. И кого?.. Вы увидите скоро жену, Василий Андреич... Знаете ли, неловко хвалить жену!.. Но у меня нет прилагательных слов... Я так счастлив... Три года ни тени облачка... И не иллюзии... сейчас узнаете... И вдруг было подозрение. Положим, одно мгновение... Вы сказали: галлюцинации. Хорошо. Но ведь и мгновение... жестокость. Вы писатель, сердцевед... Разве возможно поря-

дочной правдивой женщине писать нежные письма и... обманывать?

“Конечно, возможно... Или ты даже не слышал”, — подумал Ракитин.

И уверенно проговорил:

— Разумеется, невозможно.

— И главное, когда можно и не обманывать... Ведь вы не поступите так с любящей вас женщиной...

“Однако допрос?” — промелькнуло в голове Ракитина.

И, смеясь, промолвил:

— Вернее: не поступал, Валерий Николаич... Да так и лучше! Нет осложнений!

— Именно лучше... И жена такой человек, который никогда не лжет... Знаете ли, Василий Андреич, ведь меня судьба разыскала... И я часто спрашивал: за что? Леля прелестна, умна, талантлива... И какой голос!.. Я встретился с нею в Симферополе. Она жила с вдовой-матерью. На маленькую пенсию жили... Прежде я и ухаживал и влюблялся... Но в Лелю я влюбился особенно... до сумасшествия, сразу... да... Я точно нашел ту самую, единственную на свете, о которой мечтал еще в

университете... Ну что ж, я не скрываю! — застенчиво прибавил Неволин.

— Да и что скрывать... Вы счастливый человек, Валерий Николаич.

— Еще бы!.. И через два месяца сделал предложение... Не испугался, что только полторы тысячи жалованья да тысяча от матери...

— И Елена Александровна сейчас же согласилась?..

— Леля сдержанная, серьезного характера... через неделю дала согласие.

“Она шла замуж не по любви!..” — решил Ракитин.

А Неволин возбужденнее и торопливее говорил:

— И чем более меня узнавала, чем сильнее чувствовала, как я ее люблю, тем более привязывалась ко мне... Говорят: один любит, другой позволяет любить... Может быть. Я боготворил ее, и она позволяла... Обыкновенно жены не жалеют мужей, а она жалела. Останавливала, когда дарил кольца, покупал платья... “Ты точно нянчишься как с куклой — не надо!” И ее мучило, что я день сидел в мини-

стерстве и по вечерам иногда частную работу брал... У нее были свои взгляды... тихая, сдержанная, с характером... достала себе переводы... и, голубушка, по целым утрам просиживала... а по вечерам читала... И всем интересуется... жизнью, литературой... И меня заставляла читать... “Не все же думать о своем благополучии!” — А мне, признаться, и некогда было. Надо о благополучии заботиться... Когда любишь жену и любишь свое гнездо, о них невольно думаешь. Положим, многое у нас скверно... так говори не говори, а все равно ничего не сделаешь... Да и уж не так скверно для нас, интеллигентных людей. И наконец я думаю, что идеал человека — личное счастье... вы вот писатели... горячитесь... волнуетесь. А я, знаете ли, не понимаю, к чему так волноваться...

— Вот вы волнуетесь теперь, Валерий Николаич... Отдохните.

— О, нет... я не устал... У меня выносливая натура... До весны не знал болезни... и весной простудился... Воспаление легких... И как же Леля ухаживала!.. Доктор один молодой два раза в день ходил... Выхаживали... бедная Ле-

ля, как устала... И никуда... Не отходила от меня... и... я смел подумать!? — вдруг раздражительно прибавил Неволин.

Ракитин мягко просил его отдохнуть...

— Нет... ничего... проклятый катар... И меня врачи отправили... А Леле нельзя было ехать... со мной... Хотела... Но я... я... не позволил... К чему... тревожить... И ей хотелось окончить работу и приехать... Собиралась в начале августа... Но, вы знаете, сперва мать хворала... работа задержала... И я скрывал, что сильно похудел... Так вы поняли... поняли, что ни малейшей тени основания... И по совести скажите ваше мнение... Не бойтесь... Я не испугаюсь, если вы, как скептик, могли бы предположить: осталась одна... Муж больной был последнее время... раздражительный... возбуждал брезгливость и... влюбилась...

И, не давая возражать Ракитину, почти со злобой продолжал:

— Ведь вы это в душе полагаете?.. Ведь это?.. Не правда ли?.. А мне, как больному, хотите только отвести глаза... И разве это невозможно?.. Разве даже такой чудный человек,

как жена, не может искать счастья?.. Не имеет права наслаждаться жизнью?.. Сердце разве не вольно разлюбить?.. А вот возьмет и совсем не приедет!.. А вы — скептик и брак считаете нелепостью, а со мною виляете... Так я ведь не умирающий, Василий Андреич. И не такой дурак, как вы думаете!.. Не дурак!

Ракитин смутился на секунду и отвел взгляд от лихорадочно блестящих глаз чахоточного.

— Вы вздор говорите!.. — спокойно сказал Ракитин. — С какого черта вилять перед вами... Разве я воображаю, что катар ваш так опасен... Я вот возьму да Елене Александровне нажалуюсь, что вы додумались от тоски до того, что она не приедет... А она возьмет да и приедет послезавтра, чтоб вас пристыдить...

— Это она вас пристыдит!..

— Меня не за что, Валерий Николаич. А я, знаете, что придумал?

— Что?

— Сейчас добыть вам сиделку.

— Зачем?.. Не нужно!

— Нужно, Валерий Николаич! Не капризничайте. Берте не разорваться, и она неуме-

лая... А вам нужно отлеживаться день-другой, чтобы молодцом встретить Елену Александровну! — весело, почти повелительным тоном проговорил Ракитин, быстро поднимаясь со стула и, видимо, торопясь уйти.

Больной покорно согласился на приглашение сиделки.

Х

— А вы, Василий Андреевич, не сердитесь на меня! — смягченно, почти виновато, прерывисто проговорил Неволин, жадно глотая воздух, и смотрел на Ракитина просительными страдающими глазами. — И спасибо, что посидели... И навещайте... Я ведь один... пока...

И неожиданно прибавил:

— А я сейчас шутил... Я ведь не сомневаюсь... Леля приедет. Приедет...

— Еще бы!.. А сердиться не за что, Валерий Николаич... Поспорили и завтра опять поспорим... Не надо ли чего?..

— Спасибо... Прикройте, пожалуйста, пледом...

И, когда Ракитин прикрыл пледом, Неволин промолвил:

— А то знобит... И дышать трудно... Не следовало много говорить...

Ракитин обещал зайти вечером.

Очутившись за дверями, он облегченно и радостно вздохнул. И оттого, что освободился от Неволина, и оттого, что сам он не умираю-

щий, а здоровый, цветущий человек и пойдет, куда угодно.

“Бедняга. Что ж, всем надо умирать!” — подумал Ракитин.

И даже почувствовал к “бедняге” неприязнь. Придется все-таки заходить к нему, врать об его поправлении и испытывать неприятные впечатления при виде этого разлагающегося человека.

— И ведь воображает, что поправится! — не без удивления мысленно проговорил Ракитин.

XI

Ракитин нашел хозяйку в столовой.

Он попросил ее немедленно послать за сиделкой.

И вдруг вспомнил, что обещал сделать визит одной даме, с которой встречался в Петербурге и недавно встретился в Монтре. И он решил сейчас же ехать. По крайней мере, развлечется.

— Я не буду обедать сегодня, госпожа Шварц! — объявил Ракитин.

И нашел нужным прибавить:

— Обедаю в Веве... С одной знакомой.

— О, monsieur! — шутливо-строго сказала хозяйка и погрозила пальцем.

— Вы что же думаете? — смеясь, спросил Ракитин.

— Вы ведь опасный человек...

Ракитин от удовольствия вспыхнул. Он как-то особенно победоносно затеребил бородку и с преувеличенной напускной скромностью проговорил:

— Увы! И стар, и толст, и уж никому не опасен! До свидания. И, пожалуйста, сиделку.

— Сию минуту! — И хозяйка нажала кнопку. — Видно, какой вы старый!.. Vonne chance! [8] — значительно промолвила госпожа Шварц с веселой поощряющей улыбкой.

И, сразу переходя в деловой тон и делаясь любезно-серьезной, прибавила:

— Вы знаете условия пансиона?

— Какие?

— Если не обедаете дома, плата за обед не исключается... Я обязана предупредить... Извините...

— Знаю! Знаю!

И, приподняв шляпу, Ракитин ушел и сел на трамвай.

Жена тайного советника, лет за тридцать, не оскорбляющая эстетических чувств Ракитина, элегантная брюнетка, приехавшая в Швейцарию с десятилетним мальчиком ради его слабой груди, уже порядочно соскучившаяся по Петербургу, обрадовалась приходу Ракитина.

Она с интересом прослушала о проблематической барыне, не приезжающей к влюбленному умирающему мужу, пожалела мужа, возмутилась женой, но, впрочем, старалась

найти смягчающие обстоятельства, сказав несколько прочувствованных слов о женах, которые выходят замуж, не подумав, без настоящей любви.

Так как Ракитин знал, что и Наталья Ивановна Брике не подумала перед замужеством, так как господину Бриксу за шестьдесят, то Ракитин не без большого оживления и торопливо стал рассказывать о нелепых предрассудках брака и вообще о любви и смешил молодую женщину своей веселой, остроумной и дерзкой болтовней. Она смеялась недвусмысленным рассказам старого ухаживателя и знатока женщин, улыбалась его будто бы нечаянно срывавшимся комплиентам и, в свою очередь, не оставалась в долгу, рассказывая, как приятно болтать с таким умным, талантливым писателем.

Они проболтали целый день. Обедали вместе в пансионе. Гуляли. И оба кокетничали друг с другом, довольные, что не скучали.

Расставаясь, элегантная брюнетка с вкрадчивой обаятельностью просила не забывать ее и “посмеяться вместе”, как сегодня. И Ракитин, конечно, обещал и несколько раз поце-

ловал ее душистую руку.

Он вернулся домой в десятом часу, очень довольный проведенным днем.

“Пожалуй, и досмеемся до маленького романа! Мужу за шестьдесят, а она с темпераментом и, кажется, не настолько глупа, чтобы заинтересоваться здесь каким-нибудь чахоточным молодым человеком!” — думал Ракитин и весело усмехался, уверенный, что произвел на скучающую барыньку впечатление.

А тайная советница в то же время, между прочим, писала одной приятельнице в Петербурге:

“Думала, что Ракитин умнее. Он воображает себя неотразимым и с первого же визита принял аллюры ухаживателя, не понимая, что он немножко смешон со своим самомнением, брюшком, мешками под глазами и разговорами о любви... Вероятно, думает за мной ухаживать, рассчитывая на роман. Конечно, я с ним кокетничаю от скуки, и ты догадаешься, как не трудно влюбить этого “молодого человека под пятьдесят”. Но даже и это не интересно... Эти пятидесятилетние господа не в моем романе. Довольно и своего супруга, ко-

торый, по крайней мере, влюблен издали и не будет знать, что мой верный рыцарь придет на неделю в Женеву, и мы проведем с ним прелестные дни. Право, молчаливые двадцатипятилетние рыцари куда интереснее самых умных стариков, как мой влюбленный, подозрительный и требовательный благоверный, вечно говорящий о святости долга... О, какая свинья!”

Ракитин вошел в комнату и присел на балконе. Он забыл об обещании навестить вечером Неволина и был в мечтательном настроении самоуверенного женолюба, как в комнату постучали.

Мечтательное настроение сразу исчезло, когда вошла Берта и сказала, что больной уже три раза посылал за ним.

— Очень просил зайти.

— Ему хуже?

— Нет... Как будто бодрее.

— Сиделка там?

— Как только вы ушли, она пришла.

— Скажите, что приду сию минуту!

Он докуривал папиросу, чтобы оттянуть минуту посещения. Но, внезапно почувство-

вавши стыд за свое равнодушие к умирающему, швырнул недокуренную папироску, порывисто поднялся с лонг-шеза и вышел из комнаты.

Комната Неволина, слабо освещенная лампой под темным абажуром, казалась еще мрачней. Запах лекарств и спертый воздух казались невыносимыми. И самый больной в полутьме казался еще неприятнее и страшнее с его мертвенным лицом и блестящими глазами.

Сиделка, с располагающим лицом, спокойная, без фальшивой подбадривающей улыбки, но и не мрачная, сидевшая в кресле, в отдалении от кровати, и коротавшая вечер за книгой, слегка поклонилась в ответ на поклон Ракитина и мягким, приятным голосом, низковатый тембр которого словно бы успокаивал, проговорила, обращаясь к Неволину:

— Вот и пришел monsieur Ракитин. А вы так волновались... Верно, раньше нельзя было...

И плотная, моложавая женщина взглянула на Ракитина — показалось ему — особенно серьезно, словно с упреком.

— Простите, Валерий Николаич... Раньше не мог... Встретил одного издателя и, понимаете...

Но Неволин, казалось, не слушал Ракитина.

И, перебивая его, счастливым, торжествующим и взволнованным голосом, проговорил:

— Послезавтра приедет... Выехала... Прочтите телеграмму... Срочная!

Ракитин подошел к столику, взял телеграмму и прочел:

“Телеграфирую с вокзала. Завтра буду около тебя, и скоро поправишься”.

Неволин не спускал глаз с Ракитина.

— Ну вот видите, Валерий Николаич... Можете спать отлично, — весело проговорил Ракитин. — И сразу смотрите лучше, чем утром.

— Еще бы... Теперь я быстро стану поправляться...

Неволин не интересовался уже более, зачем Ракитин так долго не приходил и какого издателя он встретил.

Неволин начал было рассказывать, что он ел и с каким аппетитом ел бифштекс...

Но сиделка мягко остановила Неволина:

— Не говорите много... А то спать будете хуже...

— О, конечно... конечно! — весело подтвердил Ракитин. — Не буду... Слушаю вас, добрая мадам Дюфур... О, как вы терпеливы с таким капризным больным... И как все хорошо делаете...

— Привыкла! — просто ответила сиделка.

Ракитин сейчас же ушел.

На другой день Неволин получил телеграмму из Берлина. Прошел день, и телеграмма из Базеля: “Сегодня в полдень буду”.

Но Неволин уже не мог подняться с постели и уже не так волновался, как раньше. К приезду жены, казалось, был равнодушнее.

Он весь был полон мыслями о себе, о своем выздоровлении, в которое упорно верил, и какой-нибудь бульон или чай с вареньем, который вдруг требовал его капризный вкус, занимал Неволина гораздо более, чем ожидание любимой женщины.

Он уже был в том предсмертном эгоизме, когда венец творения больше всего обнаруживает в нем жалкого, цепляющегося за

жизнь с тем ее счастьем, которое так примитивно и так мало отличается от счастья животного.

Сиделка была образцовая, и от нее больной был в восторге.

И он подумал еще утром, что жена едва ли сумеет за ним так ухаживать. Она не такая сильная, умелая, казалось, угадывающая его желания. И перед женой все-таки нельзя так раздражаться, как перед сиделкой.

Неволин особенно заботливо расчесал свою бороду, вычистил ногти, попросил вспрыснуть себя духами; сиделка переменяла ему рубашку и надушила носовой платок.

Берта рано убрала комнату, поставила кровать для жены на том месте, где стояла прежде кровать Неволина, и к девяти часам на столике у кушетки уже стоял роскошный букет.

Эти заботы несколько развлекли больного. Он на несколько минут оживился и снова захотел встать.

Но сиделка уговорила его не вставать.

Он не протестовал. Он слушался сиделку, и казалось ему, что с таким уходом, как ее, он

скорее окрепнет и встанет. Она как-то незаметно поддерживала его уверенность в этом, и он рассказывал ей, как он пойдет с женой до Шильона, а потом они будут гулять пешком.

— А пока я не встану... Ведь это недолго... не правда ли... Дня два-три?

— Вернэ говорил, что дня через три...

— Так уж вы останьтесь... День сидите здесь, а ночью, если понадобится, жена мне поможет.

— Не утомит ли это вашу жену? Она, пожалуй, не заснет ночь. Если хотите, я буду сидеть ночью в коридоре... И если вам нужно, вы только позвоните.

Неволин благодарил.

— А то бедная жена, в самом деле, изведется...

Около полудня Ракитин, прифранченный, с подстриженными волосами и бородкой, зашел к Неволину и спросил:

— Прикажете встретить Елену Александровну, Валерий Николаич?

— Хотел просить об этом... Вот не пускает меня добрая сиделка... встретить жену... На-

деюсь, ее узнаете по портретам...

— Полагаю.

— Так вы предупредите ее, что я похудел... чтобы не взволновалась... Должно быть, она цветущая красавица... а я...

Неволин закашлялся и, когда припадок кашля прошел, раздражительно сказал сиделке:

— Я просил вас шоколада... Мне хочется чашку шоколада... А мне не дают... Дайте же мне поскорее!

XII

Еще бы не узнать по портретам этой необыкновенно привлекательной маленькой женщины, с большими усталыми глазами и роскошными, отливавшими золотом волосами под соломенной шляпой.

Действительно, в этом строгом, тоскливом и красивом лице было что-то, напоминающее мадонну.

Как только ее стройная, красивая фигура в светлой юбке и темной жакетке, открывавшей блузку и регат поверх свежего воротника, торопливо вышла из вагона, как к ней подошел Ракитин и изысканно-почтительно проговорил:

— Ракитин!

В одной руке молодой женщины был небольшой чемоданчик, в другой — зонтик.

Она сдержанно и серьезно наклонила голову и спросила:

— Муж жив?

— Еще жив.

— Кажется, пансион близко?

— Да. Позвольте вам показать дорогу...

— Пожалуйста.

— Дайте мне квитанцию от багажа.

— Не беспокойтесь.

И молодая женщина отдала квитанцию сторожу и попросила его принести багаж в пансион Шварца, и пошла рядом с Ракитиным.

И ни полслова. Только “жив ли?”.

“Что это за женщина?” — думал Ракитин, украдкой любуясь ею. И серьезно сказал:

— Муж о моей телеграмме не знает... Он так волновался, так нетерпеливо ждал вас, что я решился известить вас о положении мужа.

— Благодарю за телеграмму. Я знала об его положении.

И опять продолжала идти молча.

— Валерий Николаич просил предупредить вас, что он очень похудел. Он хотел подняться с постели, чтобы встретить вас, и не мог... И все-таки верит, что будет жить.

Выражение чего-то мучительно скорбного залегло в глазах молодой женщины. Лицо ее стало строже и, казалось, непроницаемое.

Неволина опять молчала. И только пошла

скорее.

Ракитин догадался не мучить женщину своими сообщениями.

Он обиженно замолчал. И, стараясь скрыть одышку от скорой ходьбы, едва поспевал за молодой женщиной.

“Не спешила к мужу из Петербурга, а теперь торопится!” — думал Ракитин, недовольный, что программа его изучения интересной женщины с первого же начала не исполняется, “И знает ли эта барыня, что я писатель? Читала ли меня?” — спрашивал себя Ракитин, раздраженный этой почти резкой сдержанностью молодой женщины с ним.

— Вот сюда, в сад, Елена Александровна! — проговорил он довольно сдержанно.

В саду было много пансионеров. Все знали, конечно, что приехала жена умирающего. И многие дамы взглянули на молодую женщину, еще более возмущенные ее красотой, изяществом и видом далеко не приниженной кающейся женщины.

Пожилая толстая англичанка, бесцеремонно рассматривавшая Елену Александровну в лорнет, пришла в ужас. Худая девица из Гам-

бурга шепнула хорошенькой пасторше с недоумевающими глазами, что русская дама просто нахалка.

— Но все-таки, надо сказать, бог ее наградил красотой! Не правда ли, фру? — проговорил пастор, обращаясь к жене.

— Я с тобою согласна, мой друг.

— Но тем не менее она не может быть хорошей. Так долго не ехать к мужу... Не так ли, фру?

— О, конечно! Как можно оставлять мужа, да еще больного.

— Ты хорошая женщина, фру. О, ты великолепная женщина, фру! И ты гораздо красивее этой дамы, фру! Я правду говорю!

— Ты слишком добр ко мне, Аксель!

Французов русская дама обворожила. С загоревшимися глазами они жадно ее рассматривали и потом зашептали, что она сложена восхитительно и что такая женщина не может не иметь любовника.

А молодой англичанин замер от восторженного удивления и, краснея, как пион, мог только протянуть:

— О-о-о!

И в то же мгновение подумал, что должен быть представлен русской леди.

После смерти ее мужа он объявит, что с первого мгновения, как увидал ее, решил ей предложить быть женой англичанина и лорда. Чек на двадцать тысяч фунтов немедленно после согласия и после брака такая же сумма по договору в ее распоряжении.

Эта внезапная мысль овладела молодым красавцем англичанином. Он не спускал восторженных глаз с проходившей молодой женщины и дал себе слово добиться ее согласия, если не здесь, то в Петербурге, куда он немедленно поедет вслед за ней... И будет ждать хоть три-четыре года.

Фабрикант из Бирмингама отдал банковые билеты проигранного пари и проговорил:

— Не правда ли, милорд, настоящая леди?

— Королева, сэръ! — строго ответил молодой англичанин.

И прибавил:

— Породистая!

Госпожа Шварц встретила Елену Александровну в прихожей и, грустно-торжественная, повела ее наверх.

— О, как бедный ваш муж будет обрадован. О, несчастный страдалец! Как он ждал вас, госпожа Неволина!.. Две недели ходил каждый день на поезд встречать вас... Но forse majeure [9] помешала вам приехать... Муж знал это и не роптал... Вы сами страдали... о, я понимаю... И вы не знали, как муж плох... Он скрывал от вас... Боялся встревожить... О, тяжелая доля облегчить последние минуты любимого человека... И как его не любить... Какой он добрый, деликатный!.. О, простите мне невольный крик души!

Госпожа Шварц не забыла, что если б не Ракитин, то она могла бы понести убытки, и потому не лишила себя удовольствия подпустить яду в свои трогательные излияния, оглядывая и оценивая скромный, хотя и элегантный, костюм этой хорошенькой и чересчур мало печальной для жены умирающего мужа.

И так как “жена умирающего” ни одним словом не откликнулась на “крик души” хозяйки, то госпожа Шварц, остановившись в коридоре, прибавила пониженным до трагического шепота голосом.

— Вы позволите предупредить бедного мужа, что вы уже здесь... А то радость внезапного свидания может потрясти больного... Утром он был бодр, насколько возможно для него... Но всякие потрясения... Как вы думаете, monsieur Raquitine?..

Ракитин считал миссию свою оконченной. Он уже поклонился Елене Александровне, сказав, что он в ее распоряжении в эти тяжелые дни, и хотел пройти в комнату, как вопрос хозяйки заставил остановиться его и сказать ей:

— Ведь больной знает по часам, что госпожа Неволина приехала. К чему еще предупреждения... Напрасно вы так тревожитесь и тревожите госпожу Неволину! — насмешливо прибавил Ракитин.

— О, в таком случае я умываю руки! — обиженно сказала хозяйка и удалилась.

— А вещи прикажите послать в комнату...

И, обращаясь к Неволиной, Ракитин прибавил по-русски:

— Эта дама шельма и большая охотница до представлений!.. Постучите, Елена Александровна, в восемнадцатый номер... Там си-

делка...

Словно бы услышавшая простое нелицемерное и неоскорбительно-обвиняющее слово, Неволина подняла на Ракитина глаза, в которых мелькнуло благодарное чувство измученного человека, и торопливо прошла к восемнадцатому номеру.

Маленькая бледная рука вздрагивала, когда тихо постучала в дверь.

XIII

Сиделка открыла дверь и чуть слышно, ласково шепнула:

— Он ждет вас... Постарайтесь скрыть от него, что он так плох... Если нужно, позвоните.

И, пропустив Неволину, вышла за двери и направилась вниз.

Как ни готова была молодая женщина к свиданию с мужем и каким худым ни представляла его себе, но, когда увидела голову мертвеца, она едва могла скрыть жалость, тоску и ужас, охватившие ее. И, опустив голову, чтобы муж не видал ее лица, с рыданием в голосе, стараясь удержать слезы, проговорила, подходя к нему:

— Вот и приехала... И ты прости, что не могла раньше, Валерий.

И она поцеловала его и припала к его исхудалой руке.

В первое мгновение Неволин не мог говорить от волнения и только прерывисто и тяжело дышал.

— Как ты меня нашла?.. Очень изменился,

Леля? — наконец проговорил он.

— Изменился... Но не очень...

— Ну... Похудел... сильно... Но теперь кризис... Я поправляться начну...

— Еще бы...

И опять оба смолкли, точно оба не находили именно тех слов, какие нужны и как нарочно не приходят.

Неволину казалось, что он счастлив, но все-таки не так бесконечно счастлив, как должен быть и как следовало, и потому он с большим чувством, чем его было в сердце, проговорил, преувеличивая и радость и умиление:

— Милая... родная Леля... Как я счастлив... Ты около... Как я люблю тебя... Как я ждал тебя...

И, словно забывая, что поцелуи его потряскавших, почерневших губ не могут доставить удовольствия даже любящему человеку, он желал именно показать, как любит жену, и потому привлек ее лицо к своему и целовал и ее лицо и ее руку, хотя это его и стесняло, так как дышать ему было тяжелее и мучительнее.

И молодая здоровая женщина с ужасом

чувствовала отвращение от этих поцелуев, несмотря на жалость и невольную вину перед умирающим человеком.

В эти мгновения она вспомнила все... все... И любовь без страсти к мужу... И ее привязанность без дружбы и ласки... И как он любит... любит ее и не понимает запросов ее души и ума... И разве виновата она, что, когда он заболел, его ласки были нестерпимы... Разве виновата она, что после отъезда мужа встретила отзывчивого, умного, сильного духом и полюбила, почувствовала страсть... Настоящую, незнакомую ей раньше. И не смела ехать к мужу... Жалела его... Разве можно было скрыть... Разве успокоишь больного знанием, что не принадлежишь тому, кому хочешь... Пусть умрет без разочарования влюбленно-го... Пусть все ее считают бессердечной. Она знала, что он один, больной, и не ехала. И теперь ужас отвращения, муки позднего раскаяния — именно когда любит. Зачем не любя выходила замуж...

Неволин отвел губы. И жена облегченно вздохнула. Снова жалость охватила ее, и слезы лились из ее глаз.

— Да ты что же... плачешь?.. Садись, милая, лучше в кресло... Дышать трудно... А я посмотрю на тебя...

Она торопливо села в кресло и, улыбаясь сквозь слезы, проговорила.

— Плачу... от волнения... встречи...

— Милая!.. Не тревожься... Не бойся... я поправлюсь!.. И какая ты красавица, Леля! Рассказывай о себе, что делала, кого видела... А мне не позволяй говорить много... Это очень вредно...

— Так не позволяю! — попробовала пошутить молодая женщина.

— Ты не умеешь, Леля... Я тебя не слушаюсь... И мне лекарство пора.

В голосе Неволина уже слышалось раздражение.

— Я тебе дам.

— Ты не знаешь...

— Так позвать сиделку?

— Да... она знает! А ты рассказывай!..

Через минуту пришла сиделка, подала лекарство, поправила постель и подушки, подняла голову больного, и он удовлетворенно сказал:

— Леля... Она умеет... Ну, рассказывай!

Молодая женщина стала рассказывать. Но, видимо, Неволин не особенно интересовался и часто закрывал глаза.

Тогда перед Еленой Александровной был мертвец... И она смолкала...

— Рассказывай... Рассказывай...

Она опять говорила... И скоро муж заснул... Дыхание было тяжелое. Из груди вырывался свист.

Молодая женщина отвела глаза и задумалась.

— Господи! — вдруг вырвалось у нее, когда она поймала себя на мысли о том, что смерть мужа — счастье новой ее жизни, что теперь она только знает, что значит любить, и думает о любимом человеке...

— Ты, Леля, о чем рассказывала? — вдруг сонно промолвил Неволин, вдруг открывая глаза...

— О... маме! — отвечала Елена Александровна и густо покраснела.

— Да... Она здорова?..

— Здорова...

— А ты не позволяй мне говорить, Леля...

И снова заснул.

XIV

Елена Александровна притаилась в кресле и часто взглядывала на мужа.

Опять перед ней проносилось недавнее прошлое. И опять замужество ее представлялось ошибкой, ужасной ошибкой...

“Не ошибка... хуже. Поругание чувства... Поругание тела. Ложь... Сознательный обман доверчивого влюбленного человека, чтобы пристроиться!” — говорила возмущенная совесть молодой женщины.

Она не гнала совести. Не старалась скрыть от себя правды. Не обманывала себя оправданиями.

Напротив!

С тех пор, как полюбила, она точно прозрела всю ложь прошлой жизни и, мучительно преувеличивая свою вину, считала себя безмерно виноватой не за то, что любит другого, а за то, что вышла замуж...

Ее не успокаивали примеры. Ведь многие так же выходят замуж и после обманывают... живут и с мужьями и с любовниками.

“Так что же. Чем она была лучше продаж-

ной женщины? Она продавалась за обеспеченную жизнь только одному — вот и вся разница”.

Она знала, что делала. Не глупая. В двадцать пять лет понимала, что не любовь диктовала ответ на предложение. Не уважение к чужому чувству влюбленного, а эгоизм заставил ввести человека в заблуждение и продолжать его... Она чувствовала, что не любит по-настоящему, а только терпела и жалела. И женщина в ней тогда не оскорблялась. Муж мог заблуждаться, что жена его любит. Ведь он так влюблен в нее. Так старался, чтоб ей было лучше, и делал все, чтоб только доставить ей удовольствие... Он был добрый, внимательный и счастливый... А она не могла не благодарить за такую привязанность. Она не лгала, когда говорила, что привязана к нему, но лгала, что не прибавляла, что это не любовь... Не говорила, что по временам тосковала, что ей хотелось иной жизни... иного друга с иными запросами. И не было воли. Да и не было сильного желания искать иной жизни... иной среды. Не полюби она, разве давно не была бы она около него?.. Или она должна бы-

да приехать и лгать уже позорно...

Все существо протестовало против такой жертвы.

И к чему? К чему?

Но что-то говорило в ней: “должна была!..”

Молодая женщина взглянула на мертвенное лицо Неволина.

И оно, казалось, ей говорило:

“Должна была!”

К вечеру Неволину стало хуже. Он стонал и метался, и по временам впадал в забытие и бредил о том, что завтра встанет и пойдет гулять...

Настала ночь, чудная звездная ночь.

И Неволина и сиделка не отходили от умирающего. Казалось, он уж находился в агонии... Глаза безумно горели... Он громко вскрикивал и весь горел. Никого не узнавал.

И жена и сиделка измучились, удерживая больного и ежеминутно вливая ему в рот воду с ложечки. Обе они желали, чтобы Неволин скорей умер, и обе не смели признаться в этом истинно добром желании.

Ракитин приносил Елене Александровне есть, приносил чай, но она отказывалась. От-

казывалась и отдохнуть.

Теперь, когда она была уверена, что муж умрет, казалось, ей нужно было оставаться при нем.

На рассвете Неволин успокоился и дремал...

Задремала и Елена Александровна.

И вдруг ее разбудил голос мужа.

— Леля!

И жена и сиделка вскочили и увидели Неволина сидящим на постели, лицом к окну, из которого врывались снопы света поднимавшегося солнца...

Жена подошла к Неволину.

— А мне совсем хорошо... Поправлюсь... Ты рада? Леля?

— А то как же?..

— Ведь ты меня любишь?.. Не ехала... Нельзя было... Никак нельзя?.. А я был один... один... И, прости, подумал, что ты лгала в письмах. Прости... меня... Прости... Разве ты могла бы... Скажи?

Глаза умирающего впились в лицо молодой женщины. Казалось ей, что в них были и страх и мольба.

— Валерий... Успокойся... Я люблю тебя!

— Я так и знал... О, теперь мне лучше... Гораздо... Дай мне чаю... Душно...

И Неволин тяжело вздохнул, рванулся к воздуху и повалился.

Наутро уж тела Неволина в пансионе не было.

Через день его похоронили на прелестном кларанском кладбище, и в тот же день Елена Александровна уехала.

В том же поезде уехал и молодой англичанин.

Примечания

Впервые — в журнале “Современный мир”,
1901, № 10.

[^^^]

По вагонам! (франц.)

[^^^]

Коховские палочки — старое название туберкулезных бацилл, открытых в 1882 году немецким бактериологом Робертом Кохом (1843-1910).

[^^^]

4

Шильон — замок, расположенный на маленьком островке в восточной части Женевского озера. В одном из его подземелий в течение шести лет был заточен швейцарский национальный герой Ф.Бонивар (1493-1570), историю которого Байрон положил в основу своей поэмы “Шильонский узник”.

[^^^]

5

Очень хорошо (англ.).

[^^^]

Если б только наше правительство... не поощряло мильерановских бредней... — Александр Мильеран (1859-1943) — французский политический деятель. В 1892 году им была организована парламентская группа “радикал-социалистов”; одним из основных требований новой организации было проведение национализации некоторых отраслей крупной промышленности.

[^^^]

Бэдлам(Бедлам) — старинный лондонский сумасшедший дом, название которого стало нарицательным.

[^^^]

8

Желаю успеха! (франц.)

[^^^]

9

Непреодолимая сила (франц.).

[^^^]